

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

А. Платонов и В. Шкловский: заочный диалог в критике и публицистике

Научный руководитель – Поддубцев Руслан Александрович

Кочеткова Варвара Егоровна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: varya.kochetkova@yandex.ru

Андрей Платонов и Виктор Шкловский — голоса литературного процесса первой половины XX века (1920–1940-х гг.). Несмотря на принадлежность к одному культурному контексту, прямое общение между ними было минимальным — известно лишь одно письмо Шкловского Платонову 1935 г. [4, с. 206]. В то же время их публикации образуют заочный диалог. В настоящем исследовании предпринимается попытка комплексного анализа этого диалога: сопоставляются критико-публицистические тексты обоих авторов, выявляются тематические пересечения и точки полемики, помогающие понять эволюцию литературных идей первых послереволюционных десятилетий. Материалом исследования стали критические статьи и публицистика Платонова и Шкловского 1920–1940-х гг., а также письмо 1935 г. и воспоминания современников.

В 1920-е гг. Платонов и Шкловский занимали разные идеологические позиции. Шкловский был лидером русского формализма, создателем концепции «искусство как приём» [5, с. 35], а также автором сборников «Ход коня» и «Гамбургский счёт», где с иронией осмысливается новая революционная культура. Платонов же выступал как поэт и публицист, искренне веривший в преобразующий потенциал революции и техники. В его ранних статьях много надежды на создание нового мира [1, с. 87].

Заочное взаимодействие Платонова и Шкловского прослеживается в их высказываниях о революции и искусстве. Оба автора размышляли о том, как изменилась роль литературы после 1917 года, но делали противоположные выводы. Шкловский отстаивал ценность самодовлеющей художественной формы, стремясь «очистить» язык искусства от штампов, тогда как Платонов стремился наполнить литературу новым гуманистическим содержанием, посредником философско-утопических идей. Так, Шкловский в «Ходе коня» резко критикует идеологизацию искусства, сравнивая её с забиванием гвоздей самоваром, тогда как Платонов в эссе «Будущий Октябрь» (1921) вдохновенно приветствует рождение «нового человека» и революционное преобразование жизни. Тем не менее в текстах Платонова и Шкловского обнаруживаются и сходства: оба используют военную метафорику и образ революции как битвы за будущее, оба обращаются к теме техники и механизации.

После 1929 года советская литература сильно изменилась под давлением официальной идеологии. Кампания против формализма (1929–1931) и последующее утверждение соцреализма заставили обоих авторов пересмотреть формы своего высказывания [3, с. 50]. Шкловский был вынужден публично отречься от формальной школы. К середине 1930-х он становится признанным критиком, чьи статьи соответствуют новым нормативным требованиям. Платонов же отошёл от критической деятельности, сосредоточившись на прозе, в начале 1930-х была развернута большая кампания против его творчества.

Единственное зафиксированное личное обращение Шкловского к Платонову случилось именно в 1935 году, вскоре после Первого съезда советских писателей. В письме Шкловский обсуждает рассказ Платонова «Такыр», фактически выполняя поручение руководства Союза писателей — наставить автора на путь следования официальным стандартам

[4, с. 209]. В этом эпизоде показана разница положений литераторов: Шкловский выступает носителем доминирующей идеологии, тогда как Платонов становится объектом публичного «перевоспитания». По свидетельствам современников, Шкловский высоко ценил талант Платонова [2, с. 177], однако их непосредственное общение ограничилось несколькими встречами и обменом письмами.

Диалог Платонова и Шкловского проявляется не только в письме 1935 г. и заочной полемике: рецензии Платонова на книгу Шкловского о Маяковском, возможных отсылках к Шкловскому в рассказе Платонова «Антисексус», а также в мемуарно-эссеистическом материале «Третьей фабрики». Отдельного упоминания заслуживает и гипотеза о личной встрече в Воронеже, фиксируемая в воспоминаниях, однако не имеющая на данный момент документального подтверждения.

Таким образом, можно говорить о парадоксе «двух языков одной эпохи». При общем стремлении к осмыслению революционного времени и роли искусства Платонов и Шкловский создали свои собственные модели написания текста. Их диалог показывает, насколько разными были голоса в литературе первых послереволюционных десятилетий, когда идеологический контроль усиливался.

Источники и литература

- 1) Антонова Е. В. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М., 2016.
- 2) Галушкин А. Ю. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии. М., 1994. С. 172–183.
- 3) Добренко Е. А., Тиханов Г. (ред.) История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М., 2011.
- 4) Перхин В. В. Андрей Платонов весной 1935 года (по поводу письма В. Б. Шкловского к писателю) // Stephanos. 2014. № 4. С. 205–212.
- 5) Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм: методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.